

Н.В. Володина

«Телеология» как философско-эстетическая и историко-литературная категория

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению понятия «телеология», которое было наиболее актуально для литературоведения 1920-х гг. и сегодня лишь эпизодически появляется в филологическом научном дискурсе. В то же время оно является полезным при рассмотрении процесса художественного творчества и внутренней структуры произведения. Художественная телеология означает целесообразность организации произведения, его «устройство» в соответствии с целью, художественной задачей автора. Сопрягаясь с целым рядом научных понятий (авторское намерение, установка, замысел, цель, завершенность, целостность), телеология не дублирует ни одно из них, но учитывает, аккумулирует их значения. Речь идет о намерении, включающем в себя как работу сознания, так и эмоционально-психологический подсознательный импульс. Таким образом, будучи связанной с выявлением смысла и целесообразности художественного явления, телеология ведет к пониманию не только его поэтики, но и его метафизической сущности.

Ключевые слова: телеология, целеполагание, авторское намерение, установка, замысел, завершенность

Abstract: The article is devoted to the concept which was important for the literary studies of the 1920s but today only occasionally appears in philological scientific discourse. At the same time, it may be helpful while considering in the process of artistic creation and the internal structure of the literary work. By art teleology we mean the feasibility of organizing the work, its structure in accordance with the purpose and the artistic task of the author. Besides matching with a variety of scientific concepts (the author's intention, setting, conception, purpose, maturity, integrity), teleology does not duplicate any of them, but considers and accumulates their values. That entails intention which includes a consciousness work as well as emotional and psychological subconscious impulse. Thus, being associated with the identification of the meaning and usefulness of the artistic phenomenon, teleology leads to understanding not only of his poetics, but also of his metaphysical essence.

Key words: teleology, definition of objectives, the author's intention, setting, conception, maturity

Подобно ряду литературоведческих понятий, телеология является категорией, привнесенной из философии и переосмысленной в рамках новой научной парадигмы. «Телеология» (τέλειος и τέλεος) в переводе с греческого, как указывает современный греко-русский словарь, имеет семь значений. В контексте литературоведения особенно важными оказываются два из них: «законченный, совершившийся (πρῆμα Aesch.)» и «нечто цельное и законченное»¹. «Новейший философский словарь» дает близкое толкование, формулируя причины этой завершенности: (teleos) – «достигший цели»².

Возникнув еще в античности (Платон, Аристотель), телеология в дальнейшем стала одним из самостоятельных направлений европейской философии (Кант, Гегель, Фихте, Шеллинг, Шопенгауэр, Бергсон), хотя представление о сущности телеологии (имманентности природы обозначенного им явления или наличии в нем воли Творца) менялось. В любом случае оно рассматривалось с помощью категорий цели, причины, целостности / завершенности и смысла, которые становились при этом взаимозависимыми понятиями.

Современный исследователь даже называет телеологию «философией смысла», которая рассматривает, «во-первых, понимание смысла вообще; во-вторых, вопросы о целесообразности мира, жизни и истории»³. Телеологический подход оказывается востребован сегодня не только философией, но и естественными науками: его учитывают в объяснении природы органических явлений ученые-биологи и физики. «Упорядоченность живой материи, информация, в ней содержащаяся, имеют смысл, – пишет Л.А. Блюменфельд. – Смысл есть понятие телеологическое, – осмысленно то, что имеет цель»⁴.

Возвращение к этому понятию как филологической категории если и не предполагает его непременно научной актуализации, то оказывается полезным при рассмотрении процесса художественного творчества и внутренней структуры произведения. В этом случае речь идет о художественной телеологии, которая вбирает в себя философский смысл этого понятия, но экстраполируется на творческий процесс, литературное произведение с учетом специфической природы последнего. Сошлемся на определение Ю. Борева в его «Эстетике» (примечательно отсутствие этого понятия в учебниках по теории литературы и литературоведческих словарях): «Телеология (от греч. telos – результат, завершение и logos – учение) – целеполагание, знание цели происходящего... По отношению к художественному тексту: концепция, утверждающая осмысленную, автором задуманную и последовательно осуществляемую в созданной им художественной реальности целенаправленную цель действий, в которой нет ничего случайного. Автор здесь выступает как демиург художественного мира, создающий художественную реальность, несущую авторскую концепцию мира и личности»⁵.

Итак, художественная телеология будет означать, прежде всего, целесообразность организации произведения, его «устройство» в соответствии с целью, художественной задачей автора. Однако перед литературоведом (может быть, еще более принципиально, чем перед философом) встанет вопрос о том, что такое цель (или

¹ Греческо-русский словарь / Сост. А.Д. Вейсман. СПб., 1899. С. 1234.

² *Можейко М.А.* Новейший философский словарь. Минск: Книжный дом, 2003. С. 1025.

³ *Пивоев В.М.* Философия смысл, или телеология. Петрозаводск, 2004. petrsu.ru/Chairs/Culture/teology.html

⁴ *Блюменфельд Л.А.* Проблемы биологической физики. М, 1977. www.smolensk.ru/user/sgma/MMOR-PH/N-7-html/CVETKOV/cvetkov.htm

⁵ *Борев Ю.* Эстетика. www.gumer.info/bibliotek

привычные для нас эквиваленты этого понятия – авторское намерение, замысел, установка и пр.) и каково ее значение для понимания произведения; что означает целесообразность его внутренней структуры. Не являясь собственно эстетическими понятиями, они не входят в литературоведческие словари и справочники, не являются предметом специального рассмотрения в теоретических работах или учебниках, однако без них практически не обходится истолкование произведения. Опосредованно эти понятия связаны с номинацией идеи или концепции произведения, но оказываются по отношению к ним, скорее, мотивацией, реализованной в этих категориях. Вопрос заключается в том, насколько эта мотивация воплощена в тексте; как соотносятся в ней осознанная цель и бессознательное намерение, как можно их выявить и в какой мере достоверны эти свидетельства и т. д.

Примечательны в этом плане суждения литературной критики. В.Г. Белинский считал, что есть тип художников, у которых «сознанная цель впереди всего, а поэзия только средство к достижению этой цели»¹. К таким художникам он относит, например, А.И. Герцена, его роман «Кто виноват?». Его цель, считает Белинский, – передать читателю «мысль о достоинстве человеческом, которое унижается предрассудками, невежеством...»². Однако эта «прекрасная, исполненная глубокого трагического значения мысль», приходит он к выводу, не получила своего художественного воплощения. Н.А. Добролюбов в своей «реальной критике» сознательно снимает вопрос об авторском намерении, точнее, авторской установке как внетекстовой реальности. Ему важно было сделать собственные выводы по поводу анализируемого произведения, и потому он поясняет: «Для нас не столько важно то, что хотел сказать автор, сколько то, что сказалось им, хотя бы и не намеренно, просто вследствие правдивого воспроизведения фактов жизни...»³. При этом Добролюбов берет на себя истолкование авторского намерения, руководствуясь не столько внутренними законами текста, сколько своим представлением о том, какие публицистические задачи можно с его помощью решить.

Наиболее активно вопросы телеологии обсуждались в отечественном литературоведении 1920-х гг., когда о телеологии говорили представители формальной школы, а также А.М. Евлахов, Б.М. Энгельгардт, В.В. Виноградов, А.П. Скафтымов, М.М. Бахтин, Н.К. Пиксанов, Б.В. Томашевский и др. Основной контекст употребления этого понятия – сфера поэтики, активно осваиваемая разными направлениями научной мысли этого периода. Эта частная «понятийная» проблема в свою очередь выводила исследователей на уровень методологических поисков – осмысления вопросов о соотношении художественного замысла и его воплощения, роли авторской интенции, пр.

Понятие телеологии оказалось востребованным, прежде всего, в связи с формированием идеи целостности литературного произведения. Практически все ученые, так или иначе пользующиеся этой категорией, сходились в представлении о произведении как художественном единстве. Расхождения начинались там, где речь шла о причинах этого единства, о том, кроются ли они только во внутренней структуре произведения, или этому есть внешнее объяснение, связанное с целевыми установками автора.

¹ Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1982. С. 375.

² Там же.

³ Добролюбов Н.А. Когда же придет настоящий день? // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М.; Л.: Художественная литература, 1963. С. 97.

Ю.Н. Тынянов исходил из понимания цели как фактора, «внеположенного» объекту, и потому определял телеологию, целеполагание как внетекстовое явление, имеющее факультативное значение. Нужно исключить, пишет он, телеологический, целевой оттенок, «намерение» из слова «установка»¹, связывая понятие «установка» с внутренней организацией текста. Это «не только доминанта произведения (или жанра), функционально окрашивающая подчиненные факторы, но вместе и функция произведения (или жанра) по отношению к ближайшему внелитературному – речевому ряду»². Телеологическое же рассмотрение произведения, т. е. рассмотрение его с учетом «творческих намерений» автора не может объяснить, считает Тынянов, все то, «что не укладывается в него» (намерение) и потому «объясняется случайностью или просто оставляется без анализа»³. Тыняновское представление о телеологии выражает достаточно устойчивое мнение о том, что художественная задача писателя (цель, установка) часто расходится с воплощением и потому не может иметь принципиального значения для понимания произведения.

Однако уже внутри ОПОЯЗа возникло и другое понимание телеологии. Не случайно М.М. Бахтин отмечает, что «в истории формальной школы обсуждение телеологического принципа оказалось первым симптомом кризиса, первым признаком ее грядущего распада»⁴. В.М. Жирмунский в статье 1919 г. «Задачи поэтики» говорит именно о «внутренней телеологии», рассматривая различие научного и разговорного языков, с одной стороны, и поэтического языка, с другой. Это понятие оказывается необходимо ему также для характеристики программного термина формальной школы – приема. Жирмунский подчеркивает его содержательно-смысловую наполненность: «Прием есть факт художественно-телеологический, определяемый своим заданием: в этом задании, т. е. в стилистическом единстве художественного произведения, он получает свое эстетическое оправдание»¹. В статье «К вопросу о “формальном методе”» (1923) Жирмунский повторяет характеристику приемов как «эстетически значимых фактов, определяемых своей художественной телеологией»⁵.

Близкое понимание телеологии как внутренней организации текста («телеология приема») мы находим у Б.М. Эйхенбаума, А.М. Евлахова, Б.М. Энгельгардта, В.В. Виноградова. Призывая к сближению литературоведения с «соседней дисциплиной», Б.М. Эйхенбаум писал в 1921 г.: «Лингвистика оказывается в ряду наук о природе, поэтика – в ряду наук о духе <...>. Поэтика строится на основе телеологического принципа и потому исходит из понятия приема; лингвистика же, как и все естествознание, имеет дело с категорией причинности и потому исходит из понятия явления как такового»⁶. Б.М. Энгельгардт, руководствуясь идеей «внутренней телеологии» произведения, считает также необходимым изучение читательского восприятия, которое, в свою очередь, оказывается «внутренне телеологичным»⁷.

¹ Тынянов Ю.Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 278.

² Там же. С. 228.

³ Там же.

⁴ Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х годов // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М., 2003. books.google.ru/books

⁵ Жирмунский В.М. Задачи поэтики // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. С. 35.

⁶ Эйхенбаум Б.М. О поэзии. Л.: Советский писатель, 1969. С. 337.

⁷ Энгельгардт Б.М. Феноменология и теория словесности. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 36.

Наиболее развернутые рассуждения по поводу художественной телеологии мы находим в этот период у А.П. Скафтымова. «Главным методологическим убеждением автора предлагаемой статьи («Тематическая композиция романа “Идиот”», 1924 г. – *Н.В.*), – пишет о себе Скафтымов в третьем лице, – было признание телеологического принципа в формировании произведения искусства»¹. Однако Скафтымов трактует его несколько иначе, чем представители формальной школы. Телеологический принцип для него – это прежде всего намерение автора, задание, которое предшествует созданию произведения искусства и которое необходимо учитывать. «Художник из множества проносящихся в его воображении формальных возможностей, – поясняет ученый, – выбирает те или иные лишь потому, что узнает в них соответствие тому, что он в себе уже смутно носит и воплощения чему ищет»². Речь явно идет о начальном этапе художественного творчества, об этапе возникновения замысла, где, с точки зрения Скафтымова, сосуществуют рациональный момент и интуитивно-бессознательное начало. «Задание, – уточняет он, – это та общая душевная пронизанность, которую ощутил в себе художник как призыв к творчеству»³. Но этот внешний по отношению к произведению фактор, согласно логике Скафтымова, существует только в своем художественном воплощении. Отсюда понимание произведения как сложной системы, где все предопределено «внутренней телеологией», проявляющейся в «целесообразности» организации произведения. По сути, он возвращает слову «целесообразность» его этимологическое значение – организованный (-ое) сообразно цели.

В таком объяснении телеологической природы произведения Скафтымов идет, скорее всего, от классической философской трактовки этого понятия. Так, можно проследить связь его работ с гегелевской «Наукой логики», разделом «Учение о понятии», включающим в себя «Телеологию», а также гегелевской «Философией природы». «Когда мы думаем о цели, – рассуждает философ в «Науке логики», – мы не должны приравнивать ее исключительно к той форме, в которой она находится в сознании как форма наличного в представлении определения»⁴. И далее, ссылаясь на Канта, а через него на Аристотеля, Гегель возвращается к понятию «внутренней целесообразности», отличая ее от «внешней», на которой настаивает, как он отмечает, современная телеология. «Внутренняя целесообразность», уточняет Гегель, предполагает «деятельность цели», в результате которой «цель смыкается с собой через посредство реализации»⁵. Только в этом случае оказывается понятна, считает философ, «природа вещей».

Согласно гегелевской трактовке телеологии, «понятие цели как имманентной предметам природы представляет собой простую их определенность»⁶. Гегель поясняет это примером из мира органической жизни природы: «Зародыш растения уже содержит в реальной возможности все то, что потом обнаруживается в дереве, и этот зародыш, следовательно, как целесообразная деятельность стремится

¹ Скафтымов А.П. Тематическая композиция романа «Идиот» // Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. М: Художественная литература., 1972. С. 23.

² Там же.

³ Там же. С.24.

⁴ Гегель Г.Ф. Энциклопедия философских наук // Гегель Г.Ф. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1974. С. 393.

⁵ Там же.

⁶ Гегель Г.Ф. Энциклопедия философских наук // Гегель Г.Ф. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1975. С. 14.

лишь к самосохранению»¹. Гегель возвращается при этом к Аристотелю, впервые увидевшему в природе такого рода целевую деятельность, «внутреннюю целесообразность»².

Говоря о внутренней телеологии произведения искусства, Скафтымов не проводит параллелей с миром природы (как это делали, например, в критике В. Белинский или Ап. Григорьев) и, естественно, снимает религиозно-мистическое истолкование художественного процесса; однако его объяснение духовно-творческих возможностей художника сохраняет стилистику русской философской эстетики и критики XIX в. «В произведении искусства, – пишет он, – нет ничего случайного, нет ничего, что не вызвано было бы конечной устремленностью ищущего творческого духа»³. Таким образом, ключевым положением философско-эстетической концепции Скафтымова оказывается идея внутреннего единства, завершенности художественного текста. «Внутренняя целесообразность» в интерпретации Скафтымова и есть прежде всего целостность произведения как проявление этого единства, гармоничности, завершенности. «Компоненты художественного произведения, – пишет он, – по отношению друг к другу находятся в известной иерархической субординации: каждый компонент, с одной стороны, в задании своем подчинен, как средство, другому, а с другой стороны – и сам обслуживается, как цель, другими компонентами»⁴. Целесообразность и целостность оказываются у Скафтымова не только фонетически, но семантически близкими понятиями, прежде всего на уровне причинно-следственных отношений. Главный же критерий интерпретации произведения, с точки зрения ученого, «единое функциональное скрещение телеологической значимости всех компонентов»⁵.

Н.Д. Тамарченко сближает эти научные представления Скафтымова с идеями ранних работ М.М. Бахтина, отмечая в то же время, что Бахтин только «внешнюю композицию» считал «телеологической»⁶. Таким образом, частично расходясь в объяснении телеологии с представителями формальной школы, Скафтымов оказывается единомышлен с ними в понимании внутренней структуры произведения, связи его компонентов.

Новый поворот в понимании телеологии наметился в работах Н.К. Пиксанова («Творческая история “Горя от ума”», 1928, др.). Он соглашается с формальной школой в том, что художественные средства в произведении подчиняются определенному заданию, которое осуществляется художественным приемом или стилем; что понятие приема – «понятие телеологическое». Вместе с тем, считает ученый, эта задача решается не только благодаря пристальному изучению самого текста и приемов, но «мотивации» их употребления. «Недостаточно установить, пишет он, – телеологию эпитетов, метафор, вообще мелких стилистических единиц и форм, – необходимо воссоздать телеологию основного замысла, общую конструк-

¹ Гегель Г.Ф. Энциклопедия философских наук // Гегель Г.Ф. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1975. С. 14.

² Гегель Г.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1974. С. 393

³ Скафтымов А.П. Тематическая композиция романа «Идиот» // Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. М.: Художественная литература, 1972. С. 23.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Тамарченко Н.Д. Автор «имманентный» и автор «внежизненно-активный» // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2010. С. 32.

тивную целесообразность, преднамеренность»¹. Таким образом, вопрос о мотивации связан для Пиксанова не только с внутренней упорядоченностью текста, но и предшествующей его созданию художественной задачей. Это становится возможным, считает Пиксанов, при обращении к творческой истории произведения.

Эта мысль была, в свою очередь, подвергнута критике Б.В. Томашевским, который считал, что внутренняя целеустремленность (телеология) художественного приема не совпадает с личными намерениями автора, «поэтому вовсе не намерения автора и вовсе не тот путь, которым автор дошел до сознания произведения, дают ему смысл... Произведение создает не один человек, а эпоха... Автор во многих отношениях является только орудием»². Исследователь полагает, что «важно не то, куда целит автор, а куда он попадает»³. Таким образом, вопрос о телеологии литературного произведения оказался в 1920-е гг. в некоем полемическом поле, где пересекались наиболее актуальные вопросы филологической науки этого периода.

Эти вопросы сохранили свою актуальность и в дальнейшем, как в русской, так и в европейской науке. В. Шмидт в своем обзоре теорий авторства останавливается, в частности, на западных теоретических дискуссиях 1940-х гг., продемонстрировавших «недоверие к автору». Он ссылается при этом на так называемых «новых критиков» (Уильям К. Уимсатт и Монро С. Бердсли), выступивших против учета намерений автора, замысла, ибо созданный текст ему не принадлежит. «Заблуждение», по мнению «новых критиков», появляется тогда, поясняет Шмидт, «когда толкователь пользуется для интерпретации разъяснениями намерений, исходящими от самого поэта, сведениями и информацией относительно истории создания произведения»⁴.

Авторский комментарий, действительно, достаточно распространенное явление в истории литературы. Наиболее типичные примеры тому – авторское предисловие (например, роман М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»), критические статьи (И.А. Гончаров «Предисловие к роману “Обрыв”», «Намерения, задачи и идеи романа “Обрыв”»), авторские отступления в тексте комментирующего характера (в романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» – это письма ее подруге Елене Костюкевич, которыми сопровождается каждая часть книги), наконец, авторские письма. Такого рода комментарии чрезвычайно важны для понимания процесса творчества, истории создания произведения и авторских намерений, в конечном счете. Однако, начиная с литературной критики XIX в., этот вопрос постоянно возвращал исследователей к осмыслению функционирования произведения. Сегодня практически аксиомой стала мысль о том, что, будучи созданным, произведение отделяется от своего создателя, «получает» самостоятельную жизнь, приобретает смыслы, может быть не совпадающие с намерениями автора.

Категория телеологии оказалась востребованной сегодня семиотикой. Так, Р. Барт пользуется этим понятием для разграничения текста и произведения. «Произведение, по Барту, – пишет Г. Косиков, – это центрированное смысловое единство, подчиненное телеологическому заданию, сознательно структурированный продукт, предназначенный для коммуникации. Текст, напротив, есть неди-

¹ Пиксанов Н.К. Творческая история «Горе от ума». М., 1971. feb-web.ru/feb/griboed/critics/tig/tig-001-.htm

² Томашевский Б.В. Писатель и книга. Очерки текстологии М.: Наука, 1959. С. 151–152.

³ Там же.

⁴ Шмидт В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 46.

ферренцированная масса культурных смыслов, еще не подчинившихся телеологическому заданию»¹.

Сопрягаясь с целым рядом научных понятий (авторское намерение, установка, замысел, цель завершенность, целостность), телеология не дублирует ни одно из них, но учитывает, аккумулирует их значения. Сама множественность этих значений предопределяет неоднозначность понятия телеологии. Тем не менее практически все филологи, которые обращались к понятию телеологии, видят органическую связь авторского намерения с текстом, хотя для одних речь идет исключительно о внутренней телеологии (телеология приема, конкретного элемента текста), для других также о телеологии произведения в целом. В этом случае говорится о намерении, включающем в себя как работу сознания, так и эмоционально-психологический подсознательный импульс. Таким образом, будучи связанной с выявлением смысла и целесообразности художественного явления, телеология ведет к пониманию не только его поэтики, но и его метафизической сущности.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Философская эстетика 1920-х годов // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2003. /books.google.ru/books?id=jlWmCgAAQBAJ&pg=PA719&lpg=PA719

Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1982.

Блюменфельд Л.А. Проблемы биологической физики. М, 1977. www.smolensk.ru/user/sgma/MMORPH/N-7-html/CVETKOV/cvetkov.htm

Борев Ю. Эстетика. М.: Высшая школа, 2002. www.gumer.info/bibliotek

Добролюбов Н.А. Когда же придет настоящий день? // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М.; Л.: Художественная литература, 1963.

Греческо-русский словарь / Сост. А.Д. Вейсман. СПб., 1899. www.twirpx.com/file/567873/

Гегель Г.Ф. Энциклопедия философских наук // Гегель Г.Ф. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1974. 437 с.

Гегель Г.Ф. Энциклопедия философских наук // Гегель Г.Ф. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1975. 573 с.

Жирмунский В.М. Задачи поэтики // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977.

Можейко М.А. Новейший философский словарь. Минск: Книжный дом, 2003. 1271 с.

Косиков Г. Текст / Интертекст / Интертекстология // Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова; пер. с фр. Г.К. Косикова, Б.Н. Нарумова, В.Ю. Лукасик. М.: Издательство «ЛКИ», 2008. С. 8–42.

Пивоев В.М. Философия смысл, или телеология. Петрозаводск, 2004. <http://petrsu.ru/Chairs/Culture/teology.html>

Пиксанов Н.К. Творческая история «Горе от ума». М., 1971. feb-web.ru/feb/griboed/critics/tig/tig-001-.htm

Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. М.: Художественная литература, 1972. 543 с.

¹ *Косиков Г.* Текст / Интертекст / Интертекстология // Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М., 2008. С. 30.

Тамарченко Н.Д. Автор «имманентный» и автор «внежизненно-активный» // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре. Статьи, публикации, воспоминания, материалы. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2010.

Томашевский Б.В. Писатель и книга. Очерки текстологии М.: Наука, 1959. 230 с.

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 575 с.

Эйхенбаум Б.М. О поэзии. Л.: Советский писатель, 1969. 552 с.

Энгельгардт Б.М. Феноменология и теория словесности. М.: Новое литературное обозрение. 2005. 464 с.

Шмидт В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 311 с.

REFERENCE

Bakhtin M.M. Philosophical Aesthetics of 1920s. In: Bakhtin M.M. Collected Works: In 7 vols / A.M. Gorky Institute of World Literature, RAS. Vol. 1. Moscow. 2003. books.google.ru/books?id=j1WmCgAAQBAJ&pg=PA719&lpg=PA719&dq=Бахтин+М.М.+Т.1&source=bl&ots=3IsxIlcR82&sig=U9dV5QIOh70GoUl_XHyXmwh3auk&hl=ru&sa

Belinsky V.G. Survey of Russian Literature in 1847. In: Belinsky V.G. Collected Works: In 9 vols. Vol. 8. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1982.

Blumenfeld L.A. (1977) Problems of Biological Physics. Moscow. www.smolensk.ru/user/sgma/MMORPH/N-7-html/CVETKOV/cvetkov.htm

Borev Y. (2002) Aesthetics. Moscow. Vysshaya Shkola Publ. www.gumer.info/bibliotek

Dobrolyubov N.A. When Will the Real Day Come? In: Dobrolyubov N.A. Collected Works: In 9 volumes. Vol. 6. Moscow; Leningrad. Khudozhestvennaya literatura Publ. 1963.

Greek-Russian Dictionary / Ed. by A.D. Weismann. St.-Peterburg, 1899. www.twirpx.com/file/567873/

Hegel G.W.Fr. Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften, Bd. 1–3 / Red.: Eva Moldenhauer, Karl Markus Michel. Frankfurt am Main, 1970,

Zhirmunski V.M. (1977) Theory of Literature. Poetics. Stylistics. Leningrad. Nauka Publ. 376 p.

Mozheyko M.A. (2003) The Newest Philosophical Dictionary. Minsk: Knizhniy Dom Publ. 1271 p.

Kosikov G. Text / Intertext / Intertekstologiya. In: Pyege-Gro N. Introduction to the Theory of Intertextuality. Moscow. LKI Publ. 2008, pp. 8–42.

Pivoev V.M. (2004) The Philosophy of Meaning, or Teleology. Petrozavodsk. petrsu.ru/Chairs/Culture/teology.html

Piksanov N.K. (1971) Creative History of “Woe from Wit”. Moscow. feb-web.ru/feb/griboed/critics/tig/tig-001-.htm

Skaftymov A.P. (1972) Moral Quest of the Russian Writers. Moscow. Khudozhestvennaya literatura Publ. 543 p.

Tamarchenko N.D. The «Immanent» Author and the «besides-of-life-active» Author. In: Alexander Pavlovich Skaftymov in Russian Literary Science and Culture. Articles, Publications, Memories, Materials. Saratov: Saratov State University Press.

Tomashevsky B.V. (1959) Writer and Book. An Outline of Textology. Moscow. Nauka Publ. 230 p.

Tynyanov Yu.N. (1977) Poetics. History of Literature. Cinema. Moscow. Nauka Publ. 575 p.

Eikhnenbaum B.M. (1969) About Poetry. Leningrad. Sovetskiy pisatel Publ. 552 p.

Engelhardt B.M. (2005) Phenomenology and the Theory of Literature. Moscow. Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. 464 p.

Schmid W. Elemente der Narratologie (Narratologia). De Gruyter; Auflage: 1 (1. Juli 2005). 320 S.

Schmid V. (2003) Narratology. Moscow. Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 2003. 311 p.

Сведения об авторе:
Наталья Владимировна Володина,
докт. филол. наук
профессор
кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций
Череповецкий государственный университет

Natali V. Volodina,
Doctor of Philology
Professor
Department of Russian Philology and Applied Communications
Cherepovets State University
natalivolodina@mail.ru